

**О НАУМОВЕ А. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
О НАУМОВЕ — СЕМАШКО Н. А.**

НАУМОВ Александр Адольфович, родился в 1880-х. Получил высшее техническое образование. Проживал в Ленинграде, работал инженером Ленинградском узле железной дороги; с ним также проводили экспериментальные исследования профессора медицинских институтов и клиник. Весной 1926 — арестован по групповому делу железнодорожников и заключен в тюрьму.

В июне 1926 — к Екатерине Павловне Пешковой обратился за помощью Михаил Дмитриевич Орехов, его знакомый по работе.

<20 июня 1926>

«Вх<одящий> № 9986.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна

Простите великодушно, что я вторично пишу Вам и надоедаю с делом своего товарища, Александра Адольфовича Наумова.

Дело в том, что его дело введено в группу оккультистов, так как он в 1917 году интересовался оккультными науками, и хотя с той поры отошел от них, тем не менее кроме "увлечения" электромагнитной силой ему вменяется и его прошлый интерес к оккультизму.

Как можно догадываться, Москва тоже стала на ту же позицию и намерена отправить всех интересовавшихся оккультными науками в концентрационные лагеря на несколько лет.

Неужто ничего нельзя сделать, чтобы заставить прочесть протокол дознания по делу Наумова, где черным по белому выведено о его непричастности к этим криминальным наукам и весьма невинного использования своей магнитной силы?

Я все же не теряю надежды на то, что Вы поможете Наумову. Не теряю надежды и на то, что Семашко, письмо к которому я переслал Вам, найдет нужным в интересах советской медицины сохранить любопытное явление в лице Наумова для ленинградских профессоров и врачей.

Не откажите сообщить свой взгляд на этот предмет подательнице письма моей прежней сослуживице Александре Андреевне Сланской.

Искренно уважающий Вас и преданный
М. Орехов»¹.

На письме — помета рукой Екатерины Павловны Пешковой:

«Передать письмо Семашко запросив его, ответить Орехову. Е.П. 28/VI – 26».

В июне 1926 — М. Д. Орехов вновь просил помощи Екатерины Павловны Пешковой.

«10 июня 1926 г<ода>».

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна

Зная Вас еще по Парижу, как доброго и отзывчивого человека, я решаюсь обратиться к Вам с моей покорнейшей просьбой: помогите вызволить из беды одного из моих товарищей-железнодорожников, Александра Наумова.

Дело совсем пустяковое, а приняло оборот далеко не пустяковый.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 127. С. 213. Автограф.

Я написал письмо Н.А. Семашко, где подробно излагаю все обстоятельства дела, но, к сожалению, Н. А., кажется, еще не вернулся в Россию, и мне не к кому больше обращаться.

Я прилагаю письмо к Н.А., не откажите прочесть его, и, может быть, Вы найдете какую-нибудь возможность отвести незаслуженный удар, который собирается над головою моего товарища. Если Семашко в Москве, не откажите направить письмо к нему; если нет, может быть, Вы найдете возможным показать его кому-либо из власти имущих. Я знаю, что Вы не откажите в своей помощи, как и я не отказываю никому, чтобы помочь всем, чем только могу.

Искренно уважающий Вас и преданный
М. Орехов.

Ленинград. Петроградская сторона.
Малая Посадская ул<>, д<ом>15, кв.107»².

К письму М. Д. Орехова было приложено его письмо Николаю Александровичу Семашко.

«Глубокоуважаемый товарищ Николай Александрович,

Пользуясь давнишними добрососедскими отношениями еще в Париже, я обращаюсь к Вам с настоящим письмом в защиту одного из своих товарищей-железнодорожников, который нежданно-негаданно попал в беду.

Бывший, как и я, железнодорожник Ленинградского узла, Наумов Александр Адольфович, оказался обладающим большим запасом электромагнитной силы, представляющей в науке пока некоторый X. На это обратили внимание врачи и, вероятно, в целях исследования этого X, исследовали самого Наумова и даже производили эксперименты, давшие, кстати сказать, любопытные результаты над трудноизлечимыми или совершенно неизлечимыми больными. Укажу Вам на профессоров и врачей, которые заняты этим вопросом:

Проф<ессора> Финне и Панов из Института Мозга возили Наумова к параличной больной,

проф<ессор> Афонский из Военно-Медицинской Академии (ныне проживающий на ст <анции> Званка) исследовал Наумова над больным, страдающим головными болями,

проф<ессор> Корнилович из Медицинского института исследовал Наумова, предъявив ему свою заболевшую дочь и предложив ему указать какие органы у нее поражены (Наумов в медицине, конечно, ничего не смыслит, а определяет пораженное место механическим путем. Он проводит ладонью по телу или над телом рукою и, по его словам, ощущает как бы исходящее от тела "тепло", в пораженном же месте у него является обратное ощущение "холода").

Врачи Максимилиановской лечебницы еще в 24 году произвели эксперимент над Наумовым, дав ему больного ишиасом и одного психического больного.

Наконец, доктор Найман, заведующий лечебницей в Тоскове, вызвал Наумова к больному (записку от 25 года при этом прилагаю).

Все это очень хорошо и направлено во славу советской медицине, но вот что вышло нехорошо:

1) какой-то из съездов врачей постановил большинством голосов о недопущении в России лечения при помощи таких электромагнитных волн, причем, по-видимому, не оговорил о необходимости предварительного

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 127. С. 214. Автограф.

изучения, лабораторного и экспериментального, при помощи людей, вроде Наумова, обладающих этой силой,

2) а многочисленные знакомые Наумова стали его эксплуатировать и обращаться к нему кто с головной болью, кто с зубной, кто еще с чем.

Прием Наумов у себя не открывал, денег ни с кого не брал, а все же получалось по внешнему виду "практика" или, иначе говоря, криминал, так как не врачу пользоваться, хотя бы только знакомых, не полагается.

Я плохо знаю законы. Но, вероятно, есть статья в уголовном уложении, которая как-нибудь карает такое деяние. Возможно, что суд просто воспретил бы наблюдения врача, возможно, покарал бы. Но за это дело взялось ленинградское ГПУ, которое взглянуло на это дело иначе.

Оно признало, что Наумов приема не имел, денег не брал, пользовал только добрых знакомых, а за всем тем признало его социально опасным и постановило отправить его не больше, не меньше как в Соловецкий монастырь, на принудительные работы.

Такой оборот дела не уместится в моем мозгу. Несоответствие «преступления» и «наказания» прямо вопиет к небу.

Теперь это решение находится в Москве на утверждении ГПУ. Там разумные люди, и если они вникнут в существо дела, то Соловецкий монастырь, всякие ссылки и высылки они похерят, но я боюсь, что за недостатком времени они подойдут к вопросу лишь формально, и тогда весьма любопытное явление, какое из себя представляет Наумов, пропадет для науки и растратится попустому.

В крайнем случае, пускай вышлют Наумова за границу. Насколько мне известно, на Западе и в Америке лечение животным магнетизмом завоевало себе права гражданства, и человек может быть использован в полной мере в интересах страдающего человечества.

Я обращаюсь к Вам, глубокоуважаемый товарищ, как к главе медицинских знаний в Советской Республике, встать на защиту ценного для науки объекта и спасти человека от излишне жестоких кар.

С товарищеским приветом

М. Орехов

10 июня 1926 г<ода>.

Ленинград, Петроградская сторона, Малая Посадская ул<ица>, д<ом> 15, кв. 107. М. Д. Орехов»³.

Очевидно, никакие ходатайства не помогли, и Александр Адольфович Наумов был приговорен к заключению в концлагерь. В 1928 и 1930 — о смягчении его участи еще дважды обращались в Помполит⁴.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 127. С. 213. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 241. С. 79-84; Д. 497. С. 59.